

Бурлаков, Яков Степанович

Россия, Краснодарский край

Июнь 2008 г.

Здравствуйтесь, уважаемые труженники общества „Контакте-Контакты“.

С большой радостью получил Ваше письмо, в котором Вы отблагодарили за моё письмо. Очень рад и большое Вам спасибо за Ваше внимание и заботу о нас, бывших.

В этом месяце исполняется 67 лет со дня начала войны. 22 июня у нас – день памяти и скорби о погибших и замученных, зверски истерзанных невинных людей в годы необъявленной навязанной нам Гитлером и его подручными войны. Такой кошмар не забыть никогда! Эти четыре года были постоянным переживанием, титанической работой на пределе возможностей.

Я работал помошником комбайнёра. После митинга на площади, куду пришли и стар и млад, нас обязали собрать урожай зерновых без потерь в кратчайший срок. По трое суток глаз не смыкали, старались дать Родине больше хлеба. После уборки занялись подготовкой военного дела.

Апрель 1942-го, призыв в Армию. Оставил мать, младших сестру и брата, любимую девушку. Это тоже переживание.

В Армии попал на строительные работы: по 18 часов укрепляли позиции (доты, дзоты) для защиты городов. А, когда наш полк эвакуировали с Украины на Северный Кавказ, нам тоже не было сладко: шли пешком в сопровождении обстрелов и бомбёжек переправ фашистскими самолётами. Пробовали идти ночью – противник освещал нас ракетами и продолжал бомбить дороги. Это тоже переживание.

Так мы дошли до речки Терек и сделали 3 линии обороны, чтобы не пустить фашистов к Грозненской нефти. Дальше Эльхотовых ворот они и не прошли. Наши стройбаты объединили в дивизию – вооружили нас и на фронт идти рядом. Это было между городами Нальчиком и Дигора. Окопались, вели наблюдения, а наступлений с обоих сторон не было около двух недель. Нескольких, и меня в том числе, вызвали в штаб полка, приказали сдать оружие и направили в штаб дивизии, он находился в 9 км от линии фронта в осетинском селе Озрек, на учёбу. Там организовывали химическую роту и оставали нас следить за порядком при хим. имуществе дивизии.

Извините, пишу на оборотной стороне листа, чтобы в конверт вместились.

Начало октября 1942-го, ещё было тепло, занимались за селом. Мы находились, где и штаб, в здании школы. 26-го октября приходим с учёбы на обед, а штабных нет, двери раскрыты, дневальный рассказывает: никто ничего не говорил, подошли машины, работники штаба погрузились и уехали. Рота пообедала, и солдаты отправились на занятия, меня оставили за дневального. Дежурный по роте предложил сделать уборку, отправил меня за водой, а ездовой наш уехал за кормом в поле. Едет, а ему немцы навстречу. Он развернулся и во весь дух назад, к нам. Подскакивает к крыльцу и кричит несвоим голосом: Немцы в село заходят!

Дежурный садится в подводу и мне кричит быстрее грузить имущество роты. Я давай таскать - раз, два – принёс. Он сидит и кричит: давай скорее! Над головой самолёты кружат, начали бомбить, стёкла летят. Бомба разорвалась рядом со школой, ездовой лошадей не удержал. Я выскакиваю с последним грузом, а они мне только колёса задние показали. А самолёты всё кружат, я с крыльца всё бросил и в окоп, в укрытие. Земля сыпется, я дальше бегу, а дальше некуда. Фрицы автоматы наставили и кричат: хэндэ хох! А я не пойму, что кричат. Сзади - прикладом в спину, кто-то хватает за руки, подымает их вверх, обшаривает. Показывают, идти куда. Так нас нескольких вместе собрали, одного с нами оставили. Он нами командует, показывает, вот берите раненного (у него брюшина была разорвана), и несите в этот двор. Занесли, он повёл нас дальше, ещё одного принесли, а потом повёл нас за село на ферму на сборный пункт. Там оказалось много наших. Солнце уже садилось. Нас повели в сельский клуб, да так набили, что мы стоя спали, хотя ноги подламывались. Это тоже переживание.

На восходе солнца налетели советские самолёты, а немцы расслабились. Так наши им смолотили всю лёгкую технику, только тряпки по веткам висели. Мы запоры поломали, и из клуба по огородам, вот-вот горы – думаем убежать. Да не тут-то было! За селом стоит цепь автоматчиков. Показывают нам идти обратно на ферму, подержали нас до двух часов и повели колонной в ст. Александровка.

Дорога горная, ручьи и камни, вдруг – вопли, фашисты что-то кричат, обращаясь к конвою. Перед нами болото, а мотоциклы буксуют, не могут переехать. Воды по колено. Вот давайте идите через болото, беритесь кто за что и помогайте переехать мотоциклам! Мы не идем, конвоиры затолкали нас прикладами в грязь. Крик и ругань – полное поле! Перетаскали мы, все сырые в той грязи, те мотоциклы, но вечер прохладой тянет. Пока в движении были – было терпимо.

Привели нас в эту Александровку, выстроили, подровняв колонну. Уже и переводчик появился. Темнеет, с гор несётся Терек, за собой сквозняк тянет. Приказывают, вот как стоите, так у своих ног все свои принадлежности (часы, кошельки, ремни, обмотки) выкладываете! Будет проверка и тех, кто этого не сделает, будем наказывать. Потом дали команду пройти шесть (6) шагов вперёд и остаться на месте. Стоим, пришла подвода, все оставленное нами забрали и увезли. А нам скомандовали: кто где стоит, там и ложитесь, кто поднимется – стрелять будем! Кому тут жаловаться – так мы, дрожащие и перемёрзшие, перекапывали ночь, еле дождавшись утреннего солнышка. Это была наша вторая ночь в плену.

Утром нас подняли и погнали в направлении города Прохладный. Жители провожали с поникшими головами, некоторым удалось нам что-то сунуть (хлеб), ведь охрана жестоко отгоняла прикладами. Шли через заросшее поле. Нам подумалось, ведь можно где-то укрыться в бурьяне. Нарочно расширили колонну – авось кому-то удастся уйти. Но тут случилось непредвиденное. С соседней станицы подскочили, даже без ведома немцев, казаки-конники с плетьюми и давай нас теснить, уплотнять. Мы давай с ними толковать, почему вы с нами так грубо, лучше помогли бы кому-нибудь уйти. Да, говорят, вы тут нам нужны, дальше некуда уйти, знаем вас, партизанить будете. И так они нас сопроводили, пока не вышли на чистое поле. Прошли дальше, вдалеке показалось село Майское, где находился лубзавод.

Вдруг впереди на машине человек в плетёных погонах. Остановил колонну, переговорил с охраной, сам рисуется, хвастливый низкорослый такой, с плетью в руке. Показывает на ворота завода, просит завести колонну во двор. Заводят, делят вдоль пополам, ровняют, всё под его команду. И вдруг как заорёт: коммунисты есть? Все молчат. А комсомольцы есть? Мы все стоим и ни слова. Тогда я сам буду смотреть, кто коммунист и кто комсомолец! И добавил через переводчика: смотреть всем ему в лицо!

И вот он идёт, каждого фашистскими глазами пожирает. Просмотрев половину, указал пяти пленным выйти вперёд, доходит до меня. Я будто и смотрел на него, но голова поникшей была. Он своей плетью так тыкнул мне под бороду, до сих пор не забыл этого „приветствия“! Задрал мою голову, что-то буркул и показал выйти из строя.

Вышел я, он ещё семерых выбрал. Колонну увели в глубь двора, нас окружили охранники, он быстро удалился, но тут же вернулся, дал указание увести нас за здание и поставить к стенке. Это была явная подготовка к расстрелу. Пока нас расставляли лицом к стене, этого изверга какой-то офицер увёл от нас. Пока не пришли на смену другие стрелки, мы всё стояли, нельзя было даже присесть. Те разрешили нам сидя ждать своей участи до утра. Тут уже можно было и с ума сойти! Это была третья ночь в плену. Слава Богу, этот фюрер до утра не появился.

Утром колонну вывели со двора, нас присоединили и повели в Прохладный. На кирпичном полу свинофермы, без нар ложись - отдыхай после 3х суток перетряса! Конечно уснули, но кирпичный пол дал о себе знать.

Наконец на 4ый день начали кормить. На первое – жменя полупрелых семечек подсолнуха, на второе – кипяток. А получать-то не в чего: котелки отобраны, ложки тоже, настоящий кошмар! На 5ый день был приварок, Вы не представляете, как можно придумать глупее,: немытые корни капусты с землёй, подмунтнённые полупрелым комбикормом – это был фюрерский ужин. А во что получать? Повар орёт, хочешь жрать – найдёшь в чего...И мы получали это месиво со жмыхом, кто в полу шинели, я в пилотку – такой сказки ещё на свете не было. Через несколько дней дали котелки, а ложки - самодельные: кто из дерева вырезал, кто из баночек, когда в раздумье был.

Каждый из нас, пленных, был в волнении и тревоге, с чувством вины, что-то думал и молчал. Каждый думал о своей пленной судьбе, неужели вот тут в этой сырой земле умру...

Но нет, не думай о смерти, шевели мозгами! Не унывай, запрети себе думать о безвременном конце! Держись до последнего! Фашизму придёт конец! Ты только свою дорогу струной натягивай, будь канатоходцем! Россия выиграет эту войну и всё станет на свои места! Каратель сполна получит по заслугам!

Вот с такими мыслями мы жили, вернее существовали, так облегчая себе выживание.

А вообще-то сказать: жизнь прожить- не поле перейти...

В этом письме описаны мои самые наитяжелейшие жизненные будни. И жизнь испорчена вся в корне.

Эта война – порча всего и вся.

Дорогие единомышленники,

заканчивая своё письмо, прошу простить за ошибки и задержку с ответом. В нашей семье нет здоровья, моя вторая половинка – с частыми приступами, да и я её догоняю, так что ещё раз простите.

А Вам пожелаем счастья, здоровья, долголетия и всего доброго!

Огромных успехов Вам во всех Ваших делах.

До свидания, с горячим приветом к Вам

Бурлаков